

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Их познакомила общая приятельница Мира. Катаев влюбился сразу и до беспаматства.

Эстер Давыдовна (жена): "Увидев меня впервые, он сказал: "Мира, ты посмотри, какой ребенок идет. Она же прозрачная". Мы стали встречаться, но я долго не понимала, что могу его полюбить. Однажды я опоздала на свидание и сказала, что задержалась из-за мамы. Валя посмотрел на меня: "Какая же ты счастливая! А у меня мамы нет с шести лет". Он принялся рассказывать и довел меня до слез. С того момента у меня появилось к нему какое-то особое отношение, и оно сохранилось вплоть до сегодняшнего дня".

Мама Катаева умерла спустя несколько месяцев после рождения его брата Жени — будущего Евгения Петрова, соавтора "Двенадцати стульев" и "Золотого тельца". Возвращаясь с похорон, Валя бежал домой и говорил: "Я должен обо всем рассказать маме". Спустя много-много лет он часто записывался у себя в комнате и плакал. Его спрашивали: "Что случилось?" Он отвечал: "Я вспомнил маму". Ее не смогли заменить Вале ни отец-учитель — замечательный интеллигентный человек, ни добрейшей души тетя. Катаев до конца жизни испытывал комплекс сироты. Что-то неуловимо-трагическое поселилось в нем навсегда. "Я засыпал под музыку Шопена", — рассказывал он Эстер о детстве с мамой. А она слушала и вспоминала свое детство — набережные Сены и Темзы...

В начале века отец Эстер Давыдовны попал на каторгу за распространение революционных листов в казармах. Из сибирской ссылки он по поддельному паспорту бежал вместе с семьей в Париж, а когда началась Первая мировая, переехал в Англию. Маленькая Эстер ходила в лондонскую школу, когда ее будущий муж едва не погиб на фронте. Он прошел через газовую атаку, тиф и тяжелое ранение бедра — такое, что врачи сомневались, сможет ли он когда-нибудь иметь детей. Но, к счастью, все обошлось, и писатель окупился в революцию с двумя Георгиями и Анной на темляке. Вернувшись в новую Россию и семья Эстер. Но после того, как они поняли, куда вернулись, оказалось слишком поздно.

Валентин Петрович и Эстер Давыдовна расписались в 1934 году. Эстер стала второй женой Катаева — второй и последней.

Елена Валентиновна (дочь): "Папа в первый раз женился неудачно. Я так и не поняла, в чем заключалась эта неудача. Однажды мы с ним гуляли улице Горького и увидели какую-то женщину, которая поздоровалась с папой и очень странно на меня посмотрела. Мы прошли не останавливаясь, а потом я спросила отца: "Кто это?" Папа засмеялся и сказал: "Это моя первая жена".

Катаев очень хотел дочку. Над беременной Эстер он буквально дрожал и совершенно маниакально заказывал: "Первая — девочка, потом — что угодно". И когда в 1936 году родилась Жена, его счастье невозможно было описать. У Бабеля тогда тоже родилась дочь, и Валентин Петрович говорил: "Какие же мы счастливые — у нас есть девочки". Появилась Жена — и появились сказки: "Цветик-семицветик", "Дудочка и кувшинчик", "Жемчужина", "Пень". А еще через два года родился Павлик Катаев.

Е.В.: "Помню, сразу после войны мама ушла в ночь за мукой и поручила папе расчесать мне волосы утром перед школой. Папе казалось, что это легко и просто. Он как мог меня причесал. И вот я явилась в нашу жутко правильную школу: волосы в разные стороны, вместо кос — не знаю что. И меня отплатили в "комнату опрятности" приводить себя в порядок. Унижение, конечно, ужасное, но я была рада, что не попала на первый урок — ведь я совсем туда не стремилась".

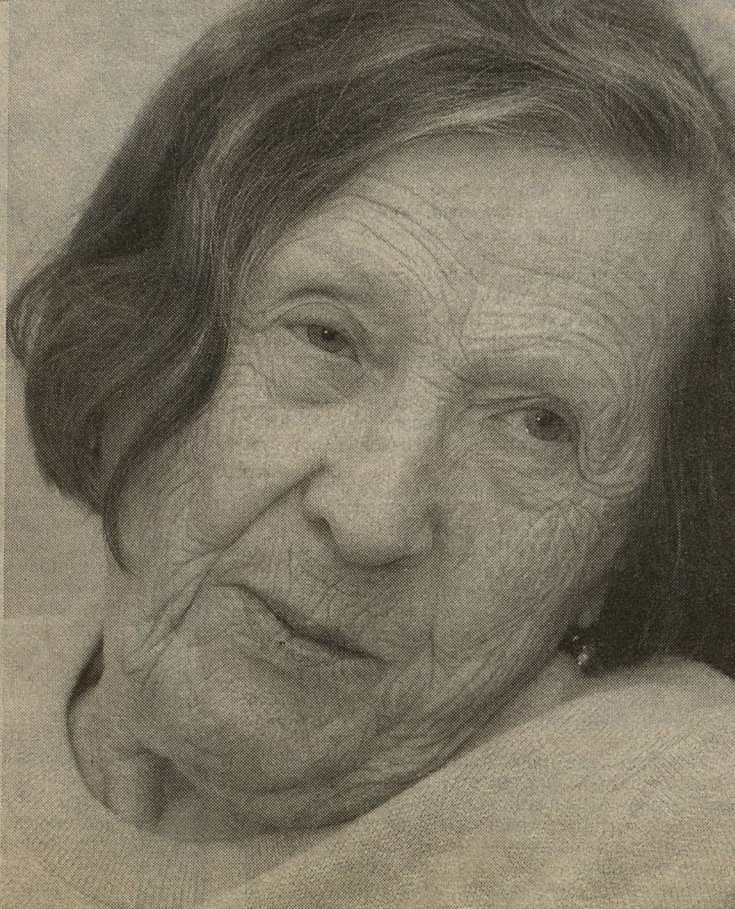
На вторую свою войну Катаев отправился корреспондентом. Семья уехала в эвакуацию в Куйбышев. Жену и детей Валентин Петрович видел очень редко. Однажды вернулся с фронта рано утром с полной плащ-палаткой грибов, которые купил где-то по дороге. Там лежали поганки вперемешку с сыроежками, но он был так счастлив, что привез в дом какую-то еду.

На войне погиб брат Катаева Евгений Петров. Он переживал эту смерть так же тяжело, как и потерю матери. Иногда дочь Жена заглядывала к отцу в кабинет и видела, как тот доставал из потайного ящика стола фотографии мертвого дяди Жени в гробу и смотрел на них с какой-то отцовской нежностью. До сих пор мало кто знает, что именно Валентин Петрович подарил ему с Ильфом идею романа "Двенадцать стульев". Обращаясь к Жене и Илье, Катаев шутил: "Молодые люди, объявляю конкурс. Я Дюма-пэр, а вы мои негры. Вы будете придумывать и писать, а я — проходить рукой мастера".

Э.Д.: "Они очень любили друг друга. Я даже передать не могу, какое это было счастье, когда Жена и Валя собирались вместе. Когда Валя откуда-нибудь приезжал, первое, что он делал, — звонил Женьке. Тот ему отвечал спороноя: "Ну что же ты со мной делаешь, дай отдохнуть, я сегодня лег в три часа".

То, что Евгений Петров, автор двух великих романов и нескольких фильмов, главный редактор "Огонька", погиб во время войны, многие считали своего рода удачей. Говорят, иначе ему бы не сдобровать. Мол, над ним уже довели угроза ареста. Как, впрочем, и над многими другими.

Павел Катаев (сын): "Я прекрасно помню первый салют в Москве, в честь освобождения Орла в 1943 году. Все трещало, грохотало, небо в ракетах... К нам в гости пришла Руслана, чудная совершенно тетя, которую я обожал. После войны ее вместе с мужем, генералом Крюковым, арестовали и освободили уже после смерти Сталина. Я помню, мы с папой возвращались откуда-то, вошли в подъезд, и вдруг из тени вышла худая женщина в сером плаще и сказала: "Валя, это я". Это была Руслана.

МАМА И КОМАНДА

Жена и муза Эстер — одна...

Говорили, что Валентин Катаев поцелован Богом. У него было две макушки, что означало большое счастье. И он действительно прожил долгую и счастливую жизнь вместе со своей обожаемой Эстер и двумя замечательными детьми — Женечкой и Павликом. Он ходил по лезвию ножа, но судьба его хранила и от войны, и от Сталина, и от измен. Одни называли его последним коммунистом, другие — классиком советского литературного модерна. Катаев похож на старую толстую энциклопедию, в которой смешались все человеческие чувства и которую невозможно прочесть до конца. В окно его дачи в Переделкине по-прежнему смотрит большой куст жасмина, а рядом растут розы. Каждую весну, когда они распускались, Валентин Петрович срывал первые цветы и приносил их Эстер...

Сын Павел.

Дочь Евгения.

НЕСВЯТОЙ ВАЛЕНТИН

Справка "МК":

Валентин Катаев родился 28 января 1897 года в Одессе. Его дебют в литературе — стихи "Осень", напечатанные в "Одесском вестнике" в 1910 году. С фронтов Первой мировой войны, на которой был дважды ранен, будущий классик писал талантливые очерки. В двадцатые-тридцатые годы вышли в свет его пьесы "Растратчики", "Квадратура круга", а также романы "Остров Эрендорф", "Повелитель железа", "Время, вперед!". Повесть "Белеет парус одинокий" — часть тетралогии "Волны Черного моря" — стала визитной карточкой Катаева. В годы Великой Отечественной войны Катаев написал не менее знаменитую повесть "Сын полка". С 1955 по 1962 годы Валентин Петрович возглавлял журнал "Юность". Во второй половине шестидесятых появились его нашедшие экспериментальные повести "Святой колодец" и "Трава забвенья", а в 1978 году — повесть "Алмазный мой венец". Катаев умер в 1986 году, после перенесенного инсульта.

Катаев нахамил Сталину и остался жив

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Бабеля забрали в ночь, когда он уехал с дачи Катаевых. Валентин Петрович и Эстер Давыдовна предлагали писателю остаться ночевать у них в доме, но он отказался и решил ехать в Москву. Катаев проводил друга, а спустя два дня узнали, что его забрали той же ночью. Неизвестно: если бы Бабель послушался Валу и Эстер, может, ему удалось бы уцелеть?

Когда забирали друзей Валентина Петровича, к нему приходили их родные и просили что-нибудь сделать. И он делал что мог. И не раз на него кричал Фадеев: "Сукин ты сын, сколько же можешь!.. Я тебе сколько раз говорил: не смей никого к себе пускать, не смей писать Сталину. Я больше не могу тебя защищать". Дети рассказывают, что папа не испытывал страха перед волной повальных арестов. По крайней мере, он никогда не рассказывал им, что боялся. Но, по словам Эстер Давыдовны, иногда он тихо спрашивал ее: "Что же будет с вами?..."

Е.В.: "Мне было лет семь-восемь, уже после войны я абсолютно четко помню, что очень боялась. В доме всегда кого-то забирали. Как ни посмотришь — эта дверь опечатана, та дверь опечатана. Мы сидели в своей компании и рассуждали: "Почему они Сталина не пишут? Это какая-то ошибка. Они не могут быть врагами народа". И я прекрасно понимала, что "ошибка" может произойти с каждым, в том числе и с нами. Во всяком случае, ночное хлопанье двери лифта всегда оборачивалось жутким стрессом. Кроме того, в нашем подъезде вечно толпились по этажам непонятные два мужика, всегда очень мило здоровались, задавали всякие вопросы. Мне мама постоянно внушала, что я никогда и никому не должна врать, но я понимала: этим людям я врать должна".

С властью Валентин Петрович старался не прикасаться. Он полагал, что многие люди гибнут оттого, что устремились чересчур высоко. Мол, чем дальше от Кремля, тем спокойнее.

П.В.: "Позднее мы с отцом говорили на эту тему. Я спрашивал его: "Папа, а почему они погибли? Каким образом отбирались жертвы?" Он отвечал: "Я не знаю, но мне кажется, что они находились слишком близко к власти".

Однажды, перед самой войной, Катаева вместе с братом пригласили на новогодний банкет. Летчики, писатели, поэты, военные, строители, ученые пили, ели, веселились как могли. И вот среди всеобщего гомона к подлающему Валентину Петровичу подошел Поскребышев: "Товарищ Катаев, вы очень нужны, с вами хочет поговорить Иосиф Виссарионович". На что писатель ответил: "Здесь какая-то ошибка — это не меня, а моего брата". Смущенный Поскребышев отошел, но спустя некоторое время вернулся с той же настойчивой просьбой: "Валентин Петрович, вас просит Сталин". Катаев повторяет: "Да это шутка — вызывают не меня, а Петрова". Так вождь народов и не дождался веселого писателя. Видимо, взбешенный Поскребышев передал хозяину, что Катаев не в состоянии подойти.

Э.Д.: "Конечно, он был пьяный — пили они здорово".

Е.В.: "Ну, гуляли, естественно, как все нормальные молодые, веселые, умные, талантливые люди".

Э.Д.: "Когда мне рассказали о случае со Сталиным, я спросила у Вали: "Это правда?" Он ответил: "Молчи".

Со Сталиным Катаев сталкивался не только в Кремле. Несколькими годами ранее он позволил себе весьма вольно обойтись с лучшим другом советских писателей, которых как раз тогда загоняли и в ныне здравствующий Союз. Валентин Петрович выступал категорически против создания широкого творческого объединения, о чем он и высказался на одном из больших писательских собраний с участием Сталина. Но в разгар выступления Иосиф Виссарионович резко прервал "неправильного" оратора и принялся разъяснять народу политику партии. Когда же вождь закончил и разрешил Катаеву продолжить, тот довольно смело парировал: "После того как Иосиф Виссарионович так блистательно закончил мою речь, мне больше сказать нечего". Естественно, в зале воцарилось молчание. Вокруг писателя, который только теперь понял, что сморозил, образовалась зловещая пустота. Катаев ждал, что сейчас подойдут и заберут. Но не подошли и не забрали — пронесло. Почему пронесло?

Э.Д.: "Я думаю, Фадеев. Если бы не он, то нас бы, наверное, уже и не было".

Глава сталинского Союза писателей Александр Фадеев действительно не позволял арестовывать своего друга. "Ой, Валя, если бы ты знал, какие на тебя телеги приходят", — говорил он Катаеву. Фадеев вообще часто появлялся в доме Валентина и Эстер. Сам сибиряк, он любил поболтать с мамой Эстер Давыдовны, тоже сибирячкой. Фадеев стал для Катаева надежной каменной стеной. Но, как говорится, нет таких крепостей... Поговаривают, что Валентин Петрович числился в так называемых "вторых списках" — среди тех, кого предполагалось арестовать во вторую очередь. Однажды после одной из вечеринок Катаев гулял вместе с Фадеевым и спросил у него: "Слушай, Саша, скажи мне, ты руководишь Союзом, а кто у нас оттуда?" Тот ему: "Валь, это же я".

Но опасаться Катаеву все же было за что. Чего стоит хотя бы его дружба с "ярким антисоветчиком и врагом народа" Иваном Бунным. Они познакомились еще до революции и тесно общались вплоть до эмиграции Бунина из страны, которую Валентин Петрович не одобрил, но и не осудил. Свои впечатления по поводу отъезда Бунина он описал в рассказе "Академик с золотым пером". И каково же было удивление Катаева, когда в 1946 году Симонов привез ему из Парижа книгу Бунина с дарственной надписью на обороте: "Валентину Катаеву от акаде-

мика с золотым пером". Валентин Петрович был счастлив: оказывается, даже в эмиграции Бунин его читает. Уже много лет спустя, когда Иван Алексеевич уже умер, Катаев узнал от жены писателя, Веры Николаевны, что Иоанн (как она называла Бунина) боготворил его "Белеет парус одинокий". Говорил, что просто невозможно так волшебным написать.

В Париж Валентин Петрович и Эстер Давыдовна смогли вырваться лишь в шестидесятые. Причем ездили они не за государственным счетом, а за свои собственные деньги. У Катаева во Франции с большим успехом шла пьеса "Квадратура круга", и на счету писателя за границей скопилось несколько тысяч франков, которыми он не мог воспользоваться на родине. Мысли же остаться там у Валентина Петровича никогда не возникали, хотя эмигрантские газеты неоднократно выходили с заголовками: "В нашем полку прибыло!". Когда Катаеву посоветовали: "У вас здесь столько денег, вы же можете купить дом", — он поморщился и сказал Эстер: "Фи, они не понимают, где я живу". Для него подобные предложения звучали как нонсенс. И не потому, что он считал себя ответным коммунистом, — просто полагал, что русский писатель должен жить среди своих читателей, и очень любил свою страну.

Когда Валентин Петрович и Эстер Давыдовна зашли к бере Михайловне Буниной, то увидели на столе блюдо с меренгами, которые Катаев обожал. Они удивились: "Откуда Вера Михайловна об этом знает?" Она рассмеялась и ответила, что когда-то, еще в России, вечно голодный Валя часто захаживал к ним в гости и однажды съел почти все меренги.

После смерти Сталина на Катаева "положил глаз" Хрущев, который пытался поставить его во главе вновь созданного Союза писателей РСФСР. Валентин Петрович уперся, что называется, рогом и категорически отказался от такой сомнительной чести. Хрущев в ответ категорически обиделся, но тем не менее дал согласие на назначение Катаева главным редактором "Юности". Правда, первоначально журнал планировали сделать детским и называть чуть ли не "Товарищ". Но Валентин Петрович создал свой собственный проект, где каждый более-менее талантливый человек мог напечатать свои вещи. Само собой разумеется, власть подобных вольностей возложить не могла, и Катаеву приходилось пробивать свою точку зрения с большой кровью. В конце концов он не выдержал и просто ушел. Сам ни у кого не спросив разрешения, написал выходящим начальникам записку "Ставлю вас в известность, что с такого-то числа я перестаю быть главным редактором журнала "Юность" — и перестал приходить на работу.

Демарш Катаева вызвал жуткий скандал. Его вызывали в ЦК, грозили: "Не ты себя назначал, не тебе себя и снимать. Если не вернешься, никакой загранички тебе больше не будет". Но Валентин Петрович выдержал характер и ответил: "Не вернусь".

Э.Д.: "Он приехал ко мне оттуда и говорит: "Бедная ты моя, может быть, меня даже и арестуют". Но Хрущев не арестовывал".

Тогда, да и сейчас, Катаева обвиняли за то, что среди прочих выступил в поддержку высылки из страны Александра Солженицына. Сказать тут ничего: Валентин Петрович действительно поставил свою подпись под памятным документом.

П.В.: "Знакомые меня тогда спрашивали: "Ну зачем твоему отцу это нужно?" А что папа мог сделать? Он чувствовал ответственность за семью. Сулов — второй человек в партии, а по существу первый — позвонил отцу и попросил поддержать решение партии, правительства и Союза писателей. Папа мог, конечно, отказаться, но... он решил, что, раз он живет в этой стране, ему не нужны конфликты с властью".

Через некоторое время на даче раздался звонок. К телефону подошла наша работница Наташа — чудная женщина. Она послушала и закричала папе: "Валентин Петрович, подойдите к телефону. Это какой-то Сулов!" Отец подошел, и "какой-то" Сулов его поблагодарил за поддержку. У меня как у сына никогда язык не повернется осудить папу".

Катаев до конца жизни остался советским человеком. И хотя он разочаровался в системе, он жил, писал и любил в этой стране, потому что это была его страна. Здесь находился его дом, его семья, его читатели. "Россия всегда остается Россией, мало ли что", — говорил он.

Незادолго до смерти писателя на его даче в Переделкине затеяли ремонт. Посреди страшных февральских морозов больного писателя с семьей вынудили переехать в город. В итоге Катаева увезли в больницу с инсультом. Когда родные приехали его навестить, врачи с удивлением сказали, что Валентин Петрович требует какого-то Диора. Катаев просил свой любимый одеколон "Eau Sauvage" от "Christian Dior". Вплоть до последних дней он спускался к завтраку только после душа и китайской гимнастики, одетый, гладко выбритый и надушенный.

Е.В.: "Он был всегда душевный человек". Незадолго до смерти Валентин Петрович просил Эстер забрать его из больницы, чтобы он смог писать.

Э.Д.: "Он мне сказал: "Ты понимаешь, я уже умираю. Это не страшно, это так красиво, там такая музыка!.. Забери меня отсюда — я должен это написать, чтобы никто не боялся смерти". Миленький мой, Боже мой!.. Врачи ничего не понимали. Они думали, что он ненормальный".

Е.В.: "Папа всегда жил по себе, он абсолютный self-made, на все имел собственные взгляды. И притом был совершенно неуверен в себе. Он часто говорил: "Мой пером кто-то водит".

Валентин Петрович много лет вел дневник. Последняя его запись: "Живу".

Дмитрий ГУСЕВ.